

© 2013 г.

ГЕРАКЛИТ ЭФЕССКИЙ. Все наследие. На языках оригинала и в русском переводе. Издание подготовил С.Н. Муравьев. Москва: Ad Marginem, 2012

Широта и разнообразие научных интересов С.Н. Муравьева не могут не впечатлять. В библиографии его публикаций, помимо многочисленных статей и томов по Гераклиту, мы находим работы по акцентологии, исторической географии, синдонологии, происхождении древних кавказских алфавитов, русской истории и генеалогии и др.¹ Связующей нитью тут являются, во-первых, интерес автора к «тайному, скрытому и невидимому», а, во-вторых, установка или притязание автора на разрешение загадок и раскрытие тайн. С.Н. Муравьев разрешил загадку происхождения алуанского и армянского алфавитов, объяснил изменение уровня Каспийского моря в I тыс. до н.э., раскрыл великую тайну Туринской плащаницы, а также обнаружил не замеченные поколениями гераклитоведов с древних времен до конца XX в. «тайные структуры и скрытые гармонии» гераклитовской прозы. Конечно, немного удивляет, что все эти грандиозные открытия совершил человек, который, по его собственному признанию, был самоучкой, работавшим «вне стен каких-либо университетов и научных учреждений» (с. 13). По воспоминаниям самого С.Н. Муравьева, он впервые заинтересовался Гераклитом и заглянул в греческий текст в 1968 г., а в начале 1970-х он уже совершил революционные открытия в области греческой метрики и просодии, обнаружив силлабо-тонические стихи за тысячу лет до Романа Сладкопевца, и не где-нибудь, а в текстах Гераклита, которые поколения профессиональных филологов по наивности считали и продолжают считать прозой. Как известно, истинная добродетель неизбежно будет вознаграждена. В 1997 г. Парижский университет Сорбонна IV присудил С.Н. Муравьеву докторскую степень за исследование в области «поэтики» гераклитовской прозы, т.е. за обнаружение «тайных структур и невидимых гармоний» в калейдоскопе из 24 букв греческого алфавита, из которых, как оказалось, составлены гераклитовские фрагменты². Эти «скрытые узоры», по мнению С.Н. Муравьева, должны быть поставлены во главу угла при изучении философии Гераклита, так как в них-то все и сокрыто. А приверженцы традиционных методов исследования, как филологи-классики, так и историки философии, которые по старинке пытаются просто читать Гераклита и вникать в его мысль, по глубокому убеждению С.М., ничего не понимают и погрязли в «семи смертных грехах». Такова в двух словах общая ориентация и исследовательская позиция нашего автора.

Рецензируемое сочинение представляет собой однотомное сокращение многотомной серии, издаваемой на французском с 1999 г.³ В предисловии С.М. разъясняет, что видит свою заслугу в том, что он впервые собрал и издал полный свод текстов, составляющих гераклитовскую традицию. В наиболее полном из прежних собраний М. Марковича около 700 текстов; всего их, по оценке Муравьева, около 1300. Но мы хотим напомнить изречение οὐκ ἐν τῷ πολλῷ τὸ εἶναι. В наши дни с помощью TLG можно мгновенно составить практически полный корпус цитат любого раннегреческого философа от самого раннего времени до поздних неоплатоников и даже дальше, до византийцев. Мастерство собирателя и издателя фрагментов авторов, чьи сочинения до нас не дошли, вовсе не том, чтобы превзойти всех количеством цитат. Многие, очень многие, из этих текстов – пустой балласт. Как и в случае с рукописями, понимающий издатель будет отбирать «первичное», ценное и не сводимое к другим фрагментам и элиминировать тексты вторичные и третичные. Таковы, например, многие из комментаторов Аристотеля, а число неизданных византийских и восточных комментариев к Аристотелю огромно, так что указанное Муравьевым число может со временем сильно возрасти. Но

¹ См. составленную самим автором полную библиографию его работ на сайте www.academia.edu

² Mouraviev 1996.

³ Mouraviev 1999–2012. Запланировано 20 томов, вышло 11. Историю проекта автор излагает тут: Mouraviev 2013, 195–218.

много ли это даст? Большинство включенных С.М. в его издание доксографических свидетельств из Альберта Великого и других поздних авторов, ничего не дает для восполнения нашего знания гераклитовской философии или утраченного сочинения. Напомним и другое изречение, из Гераклита: *πολυμάθῃ νόον ἔχειν οὐ διδάσκει*, т.е. огромная эмпирическая база данных еще не гарантирует понимания, а без понимания, т.е. без высококласной герменевтической техники, тексты Гераклита останутся медью звенящей и кимвалом бряцающим.

В русском издании нового собрания четыре раздела: биографические свидетельства (M = Memoria), доксографические свидетельства (D = Placita), фрагменты (F = Fragmenta) и реконструкция сочинения Гераклита (Refectio). Мы сосредоточим наше внимание на анализе двух основных отделов: доксографии и фрагментов.

ДОКСОГРАФИЯ (РАЗДЕЛ PLACITA ИЛИ «МНЕНИЯ»)

Способ цитирования и расположения доксографических свидетельств очень странный: автор буквально одержим склонностью дробить, обрезать, измельчать и «редактировать» оригинальные тексты, причем затем эти раздробленные части появляются в разных рубриках по несколько раз (нередко в более коротких или более полных версиях). Нередко под одним номером свидетельства объединены несколько таких обрывков, разделенных знаком ||. Читать такие «клубки» обрывков затруднительно для глаз и для мысли.

Например, ценное свидетельство Диогена Лаэртia о книге Гераклита (D.L. 9. 5 *τὸ δὲ φερόμενον αὐτοῦ βιβλίον ἐστὶ μὲν ἀπὸ τοῦ συνέχοντος Περὶ φύσεως, διήρηται δὲ εἰς τρεῖς λόγους, εἰς τε τὸν περὶ τοῦ παντός καὶ πολιτικὸν καὶ θεολογικόν*, т.е. «приписываемая ему книга по содержанию – “О природе”, и при этом разделена на три главы: “О Вселенной”, “О государстве”, “О богословии”» автор рассказывает на две части (свидетельства D 1 и D 4), и в результате под номером D 1 печатается невнятный отрывок *ἀπὸ τοῦ συνέχοντος περὶ φύσεως*, который при этом неправильно переводится как «общее воззрение о природе» вместо «книга по содержанию – о природе», а в D 4 *διήρηται δὲ εἰς τρεῖς λόγους* неправильно переводится «в книге три темы» вместо «разделена на три главы» (книга не может «делиться на темы»).

В оригинале доксографическое свидетельство выглядит так (Plac. 1, 3, 11) *ἀρχὴν καὶ τέλος εἶναι τὸ πῦρ* «огонь – начало и конец (всех вещей)». У С.М. текст усекается и превращается в абсурдное *τέλος εἶναι τὸ πῦρ*, что переводится как «И огонь – конец» (!). В оригинале союз «и» соединяет слова «начало» и «конец»! Таких примеров – десятки и десятки. Но что самое удивительное и совершенно неприемлемое в научном издании – это то, что автор не довольствуется изготовлением мелконарезанного винегрета из оригинальных текстов, но при этом позволяет себе систематически «редактировать» оригинал. Косвенная речь, которая у доксографов зависит от формулы «Гераклит говорит (считает), что...», в издании С.М. заменяется на прямую, при этом порой нарушается греческая грамматика или происходят другие странности. Например, известный текст Аристотеля в Альфе «Метафизики» 983b7 sq. о первых философах и «открытии» материальной причины всех вещей в оригинале выглядит так: *τῶν δὴ πρώτων φιλοσοφούντων οἱ πλείστοι τὰς ἐν ὕλῃς εἶδαι μόνας φηθήσαν ἀρχὰς εἶναι πάντων* «ἐξ οὗ γὰρ ἐστὶν ἅπαντα τὰ ὄντα καὶ ἐξ οὗ γίγνεται πρῶτον καὶ εἰς ὃ φθίρεται τελευταῖον, τῆς μὲν οὐσίας ὑπομενούσης τοῖς δὲ πάθεσι μεταβαλλούσης, τοῦτο στοιχεῖον καὶ ταύτην ἀρχὴν φασιν εἶναι τῶν ὄντων» – «большинство из первых философов полагали началами всех вещей одни только материальные начала: из чего все вещи состоят, и из чего они как из первого возникают, и во что как в последнее уничтожаются... это они признают элементом и началом всего сущего». Аристотель дает тут общее резюме учения «большинства» первых философов о началах, и только в последующем тексте называет их поименно, начиная с Фалеса; Гераклит упоминается значительно ниже (384b7).

В издании С.М. под номером D 11 напечатано следующее: *τὴν ἐν ὕλῃς εἶδει μόνῃ* (sic! – *Α.Λ.*) *ὠμήθησεν* («Гераклитос τὴν μίαν αὐτοῦ) ἀρχὴν εἶναι πάντων κτλ. и сопровождается следующим переводом: «(Гераклитово) начало Всего (едино и) материально. То, из чего состоит все сущее, то, чем они являются изначально...» и т.д. Итак, автор «редактирует» текст Аристотеля, заменяя множественное число «полагали» на единственное *ὠμήθησεν*, чтобы оно относилось только к Гераклиту, при этом слова в парентезе («Гераклитос τὴν μίαν αὐτοῦ») – сочинены самим С.М. и прибавлены к отредактированным словам Аристотеля! Сочиненные С.М. слова плохо согласуются с текстом Аристотеля (также непонятно, что значит *αὐτοῦ*), а при замене плюралиса Аристотеля *μόνας* на сингулярис допущена другая грамматическая ошибка: номинатив *μόνῃ* вместо аккузатива *μόνην*. Будем называть вещи своими именами: в данном случае мы имеем дело с безграмотной фальсификацией античной традиции. Добавим к этому, что аорист от *ὀμαί* в третьем лице ед.ч. будет *ὠμήθη*, а не *ὠμήθησεν*: такой формы просто не существует! Безграмотный греческий текст затем неправильно переводится на русский язык, т.е. ошибки перевода добавляются к ошибкам текстологии. *Γίγνεται* – термин

Аристотеля, имеющий четкое значение «возникает», «рождается» (в противоположность φθείρεται – «уничтожается»). Перевод «чем они являются изначально» (вместо «из чего они возникают как из первого») грубо искажает смысл аристотелевской формулы материального начала.

Вот еще образец «редактирования» без комментариев: ἡ καπνώδης ἀναθυμίασις εἶναι ὁσμή (B 143 – после удаления из оригинала слова δοκεῖ), ἡ φύσις ἐστὶν ἀνάγκη (D 168). «Редактируя» знаменитый текст Аристотеля о происхождении философии Платона из гераклитовского учения о всеобщем течении, С.М. создает вот такое «свидетельство»: (D 208) πάντα τὰ αἰσθητὰ αἰεὶ ρέουσι (sic! – *А.И.*) καὶ ἐπιστήμη περὶ αὐτῶν οὐκ ἔστι. В оригинале сказано πάντων τῶν αἰσθητῶν αἰεὶ ρεόντων κτλ. По нашему мнению, автору, не знающему, что в греческом языке при подлежащем среднего рода множественного числа сказуемое ставится в единственном числе (πάντα ρεῖ!), не следовало браться за «издание» Гераклита, а следовало сесть за парту со студентами первого курса. Такие же ляпсусы находим в D 223 (τὰ ἐναντία περιχωρέουσι и D 224 συμφέρονται τὰ πάντα (в оригинале συμφέρεσθαι)).

D 222: цитата из Плутарха De E 392 В неуклюже вырвана из контекста, в результате возникло невозможное οὐδὲν... μένει... δυνάμενος. В оригинале слово δυνάμενος согласовано со словом λόγος, которое в «редакции» С.М. опущено. Там же неправильное ударение ληγεί вместо λήγει.

D 237 ἀναθυμίασιν ἐστὶ ἡ ψυχή: в грамматике Муравьева аккузатив может употребляться вместо номинатива.

В одном случае в разделе D автор не ограничивается «редактированием», а занимается настоящим перекраиванием текста источника.

D 221: у Плутарха (De sera numinis 559 C) читаем: ἡ λήσομεν εἰς τὸν Ἡρακλείτειον (fr. B 91) ἅπαντα πράγματα ποταμῶν ἐμβαλόντες, εἰς ὃν οὐ φησι δις ἐμβῆναι τῷ πάντα κινεῖν καὶ ἑτεροιοῦν τὴν φύσιν μεταβάλλουσιν. У С.М. (с. 150) находим совсем другой текст: <ἡ πόλις ὥσπερ ἄνθρωπος ἐξίσταται αὐτοῦ ταῖς καθ' ἡλικίαν μεταβολαῖς καὶ ἕτερον ἐξ ἑτέρου γινόμενον>, ποταμῶι εἰς ὃν οὐκ ἔστι δις ἐμβῆναι, τῷ πάντα κινεῖν κтл. Слова в угловых скобках представляют собой усеченную цитату из предшествующего контекста 559a: Ἐν γάρ τι πράγμα καὶ συνεχὲς ἡ πόλις ὥσπερ ζῶον κтл., произвольно выдернутую из своего контекста и вставленную в парафразу гераклитовского фрагмента о реке. При этом возникли грамматические несуразности. Во-первых, слово πόλις по-гречески женского рода, поэтому вместо ἐξίσταται αὐτοῦ, очевидно, должно быть αὐτῆς, а вместо γινόμενον – γινομένη. С.М. не понимает, что αὐτοῦ и γινόμενον в тексте Плутарха зависят от слова среднего рода πρᾶγμα, которое он произвольно опустил! Датив же ποταμῶι просто повисает в воздухе. С.М. соотносит его со вставкой ἕτερον... γινόμενον и переводит: «(город и человек) меняется... рекой». Но такой перевод невозможен, это русизм, а именно – неосознанная подмена узуса греческого датива узусом русского творительного падежа. По-русски можно сказать «течь рекой» в смысле «подобно реке», но по-гречески ρεῖν (или ἕτερον γίνεσθαι) ποταμῶι сказать нельзя, так как это бессмысленное словосочетание. По-гречески можно сказать ρεῖν ποταμοῦ δίκην.

Совершенно непонятно, почему в раздел доксографии попали аутентичные фрагменты или парафразы фрагментов: D 21, D 38, D 110, D 113, D 114, B 119, B 122, D 129, D 147, D 215, D 220, и наоборот, в «Реконструкцию», т.е. в корпус фрагментов попали 65 доксографических свидетельств (см. ниже).

Одни и те же тексты нередко повторяются не только в разных разделах, но внутри одного раздела, например D 133 = D 100 (scintilla), D 107 = D 150, D 107 = D 150, B 144 (горький мед) = D 166, D 49 = D 212, B 215 = D 110 (другой текст того же фрагмента!). Примеры можно умножать до бесконечности: они собраны самим С.М. в таблице на с. 273–344. Нам не кажется, что такое расположение материала отвечает принципам логической ясности. Скорее оно вносит путаницу, создавая огромный калейдоскоп причудливо перемешанных обрывков, часто одних и тех же, но в разном составе.

Ошибки атрибуции. Следующие свидетельства произвольно или неправильно приписаны Гераклиту: D 23, D 39, D 66, D 71, D 79 (представление о луне как «земле» несовместимо с теорией «испарений»), D 82 (ошибочно приписывается Гераклиту страбонское толкование «Медведицы» в фр. B 120 как «Арктического круга»), D 88 (имя Гераклита не упоминается в пассаже Аристотеля о небесной «реке» испарения), D 93, D 101, D 102 (абсурдно приписывать Гераклиту локализацию души в головном мозге), D 103 (почему тогда не поместить в доксографию все псевдогераклитовские письма?), D 112, D 116 (Гераклиту без всякого основания приписывается христианская проповедь Климента), D 118, D 120 (без всякого основания), D 121, D 124 (параллель, не свидетельство), D 127 (реминисценция фрагмента о сухой душе), D 128, D 130, D 131, D 137 (?), D 138, D 139 (выдумка С.М.), D 143 (теория обоняния Аристотеля), D 144 (параллель, не свидетельство), D 145, D 148 (требует анализа), D 151, D 152, D 155, в D 175 – D 176 С.М. приписывает Гераклиту логическую терминологию Аристотеля (!), D 191 – ἄλλο как термин для материи приписывается в этом тексте Пифагору, а не Гераклиту, D 231–235 и D 239 (из Альберта Великого и схоластов), D 236 (без всякого основания Гераклиту приписывается аристотелевская теория и терминология движения), D 241

приписывает Гераклиту удивительный тезис *kínēsis ouk ἔστιν*, перечеркивающий десятки текстов о движении и потоке, приведенные перед этим.

Грамматические ошибки при переводе. С.М. регулярно неправильно передает в русском переводе времена греческих глаголов, тем самым обнаруживая непрофессиональное знание греческого. В D 49 пассивный аорист *ἥρμόσθαι* следует переводить не как «(все вещи) прилаживаются», а «гармонически слажены (или соединены) между собой», в D 54 допускается прямо противоположная ошибка, презенс *εἰς αὐτό συστέλλόμενον* неправильно передается совершенным видом – «с самим собой соединясь», причем искажена и семантика глагола: надо «уплотняться» (об огне). В D 55 *ἀναχαλωμένην* вместо «смягченная» (земля) надо «растопливаемая» или «разжижаемая» (огнем).

D 140: *τῷ ἐναντίῳ ποιεῖται* неправильно переведено как «ощущения производятся противоположностью». Это особое употребление у перипатетиков медиальной (не пассивной!) формы *ποιεῖσθαι* для философских теорий, концепций (ср. LSJ, s.v. A V). Правильный перевод: (Гераклит) «объясняет (ощущение) противоположным».

D 157: *νοητόν* значит «умопостигаемое» (Единое Плотина), а не «сознательное». Сознющее или наделенное разумом будет *νοερόν*.

D 161: *τῶν ἐναντίων ἡ φύσις γλίσχεται* значит «природа стремится к противоположностям», а не «наслаждается» (?). *Τὰ ἐναντία* – субстантивированное прилагательное, поэтому по-русски правильно переводится как «противоположности», а не как «противоположные» (D 8). *Ἀναθυμίασις* следует переводить как «испарение», а не «воспарение».

Другие перлы: «земля жидет» (D 60), «внимание имеет продолжение через глазницы» (D 142). С.М. не понимает разницы между русскими глаголами «вялить» (воблу) и «валить» (шерсть): в D 66 *πλήματα πυρός* неправильно переводится как «вяленые массы» огня вместо «свалявшиеся сгустки огня». Кроме того, на сомнительность леммы «Гераклит и Парменид» к этому свидетельству справедливо указывали Дильс, Маркович и другие; *πῦρσις* – термин Анаксимена для «сгущения». В русском языке нет слова «подвыпуклый» и не может быть ввиду его абсурдности. В D 77 *ὑπόκυρτον* следует переводить «слегка выпуклое», а не «подвыпуклое».

D 40 – D 43: *εἰμαρμένη* в доксографии Гераклита следует переводить не как «жребий», а как «судьба» или «рок», так как речь идет о космической силе (необходимости), а не о «жребии» отдельного человека.

Ненужные или неприемлемые исправления греческого текста: D 103, D 105 (в *Placita philosophorum* регулярно опускается *copula εἶναι* в косвенной речи), D 110, D 129, D 136.

ФРАГМЕНТЫ: РАЗДЕЛЫ F (FRAGMENTA) И REFECTIO

От издания доксографии перейдем к изданию фрагментов. К удивлению читателя, их два, а не одно: первое называется просто «Фрагменты» (с. 155–182), второе – «Refectio. Реконструкция» (с. 184–211). В первом книга Гераклита не имеет никакого заглавия, во втором имеет сразу два: *Μοῦσαι ἢ περὶ φύσεως* – «Музы, или О природе». Нумерация и порядок расположения фрагментов различаются: первое издание следует нумерации Дильса. Фрагменты первого издания имеют индекс F, фрагменты второго только номер без индекса. Различается и число фрагментов: в первом издании 156, во втором 248. В «Реконструкции», кроме самих текстов, добавлена тематическая рубрикация отдельных групп фрагментов. Переводы иногда совпадают, иногда различаются. Например, в первом издании «логос» в начальных фрагментах переводится как «Глагол», во втором – как «Речение». В чем смысл такого раздвоения, не совсем понятно. В предисловии автор разъясняет, что «Реконструкция» – это «бесплатный довесок», «в виде своеобразной компенсации читателю, огорченному отсутствием здесь нашего собственного изложения учения эфессца», «ее назначение: представить читателю сразу и сочинение, и виртуально содержащееся в ней учение». Оставим в стороне «скромность» автора, который берет на себя смелость решать за всех читателей, огорчены они или нет отсутствием в книге его изложения философии Гераклита.

Мы берем за основу раздел «Реконструкция», так он включает в себя большую часть фрагментов из раздела (F) плюс еще многое, но учитываем и дополнительные 22 фрагмента, которые есть в (F), но отсутствуют в Реконструкции.

Сначала о названии «Музы», которое С.М. присваивает сочинению Гераклита.

Диоген Лаэртий в своей биографии Гераклита (9. 12) приводит перечень известных ему заглавий книги Гераклита, одно из которых такое: *γνώμην ἡθῶν, τρόπου κόσμον ἐνὸς τῶν ξυμπάντων*. С.М. еще в своей самой первой статье⁴ «обнаружил» в этом явно позднейшем заголовке неизвестный науке фрагмент Гераклита, а именно – якобы *incipit* книги Гераклита. И теперь с этого гипотетического

⁴ Муравьев 1970.

фрагмента начинается «Реконструкция» (с. 184), где текст Диогена в результате тяжелой хирургической операции приобрел такой странный вид:

Γνῶμη ἢ θεῶν <ἀν>νθρώπων κτλ. с переводом «Быть ли <?> знанию о богах и о людях, о строе едином всего...<?>».

Такое чтение и толкование невозможны по следующим соображениям.

Во-первых, недостоверная атрибуция. Перечень Диогена содержит четыре разных заглавия. Из трех остальных один («О природе») сомнителен, хотя может восходить хотя бы к IV в., а два остальных неподлинны: один восходит к шутке Платона, другой сочинил Диодот. Разумеется, атрибуция четвертого названия Гераклиту, тем более в качестве фрагмента книги, сомнительна. Ведь у нас имеется согласное свидетельство Аристотеля и Секста Эмпирика о том, что книга Гераклита начиналась с фрагмента В 1 DK. И почти все издатели фрагментов Гераклита следуют этому консенсусу античных авторитетов. И Аристотель, и источник Секста держали в руках книгу Гераклита и независимо друг от друга свидетельствуют, что «в начале» там стоял наш фрагмент 1 DK. Тем не менее С.М. (с. 184–185) помещает в начало книги Гераклита целых девять других фрагментов, и только потом фр. В 1. Можно почти не сомневаться в том, что «Музы» в перечне Диогена – это ссылка на известное место из Платоновского «Софиста» (242d), где Платон шутливо ссылается на Гераклита как на «Ионийские Музы», а на Эмпедокла – как на «Сицилийские Музы». Ни одному издателю Эмпедокла не пришло в голову печатать фрагменты Эмпедокла под названием «Музы, или О природе!» Гераклит высмеивал Гомера и считал поэтов лжецами, поэтому он никогда бы так не назвал свою книгу. Его философской Музой был космический Логос, а вовсе не нарядные барышни Гесиода, которого он тоже считал лжецом.

Затем, некомпетентная критика текста. Во-первых, это палеографически неубедительно. Во-вторых, исправлять ἦθῶν на θεῶν нельзя, так как тут видны следы гераклитовской лексики: ἦθος ассоциируется с γνῶμας во фрагменте 78 DK. По свидетельству Секста Эмпирика (Adv. math. VII. 7), уже в древности обсуждалось, не следует ли причислить Гераклита к этическим философам. Четвертый заголовок явно придумал представитель этой герменевтической школы, он хотел уже в заглавии подчеркнуть, что Гераклит – этик, а не физик.

Исправление же τρώου на ἀνθρώπων, вероятно, навеяно школьным произношением θ как τ: τρώου и -θρώπων только при таком произношении фонетически похожи. Но ни один грек даже сегодня не спутает θ и τ ни графически, ни фонетически, потому что в греческом языке это различные фонемы и графемы.

Наконец, невозможный перевод. Γνῶμη ἢ θεῶν не может означать «быть ли знанию о богах», потому что по-гречески так не говорят: тут ненормальный синтаксис и ненормальная семантика слова γνῶμη, которое никогда не означает в греческом языке «знание». Даже если бы сочетание γνῶμη θεῶν не было выдумкой Муравьева, а было бы рукописным чтением, оно бы означало что-то вроде «воля богов» или «разум богов», но никак не «знание о богах».

По нашим подсчетам, 47 из 248 фрагментов «Реконструкции» не являются ни цитатами из античных источников, ни доксографическими свидетельствами, а целиком (или иногда частично) сочинены самим С. Муравьевым. Вот они: 1, 7, 13 (по форме), 20, 22 (кроме слова ἀγχιβατήν), 23 (тут целый исторический роман про Гомера и Архилоха), 27 (цитата из Хрисиппа), 28 (продолжение романа), 38 (по форме), 42 (тоже из Хрисиппа), 43 (по форме), 45 (продолжение романа про Гомера), 59, 62 (произвольное объединение двух вариантов одного и того же фрагмента), 72 (слова в угловых скобках), 75, 76 (слова в угловых скобках), 79 (слова в угловых скобках), 81 (чистая выдумка), 86 (по форме), 92, 93 (вольный перевод с латинского на плохой греческий сравнения души с пауком), 94 (слова в угловых скобках), 99 (слова в угловых скобках), 115 (слова в угловых скобках), после 117 – два фиктивных «фрагмента» в угловых скобках, перед 124 (слова в угловых скобках), 125 (перевод с латинского на греческий), 126 (гибрид доксографии и выдумки С.М.), перед 135 (слова в угловых скобках), 136–137, 139, 141 (по форме), 143 (слова в угловых скобках), 144, 150 (выдуманно все, кроме слова ἄκκα), 159 (слова в угловых скобках), 161 (кроме слова χρησιόσυνή), 163 (тут С.М. дает волю безудержной фантазии), 165 (все, кроме слова κόρος), 176–177, 187, 188, 189, 214.

Мы считаем пустой тратой времени подробно разбирать художественное творчество С.М. Все эти псевдофрагменты не только не имеют никакой научной ценности, но и представляют известную опасность для неспециалистов, так как они могут принять за текст Гераклита то, что (часто на дурном греческом и с грамматическими ошибками) сочинил С.М. Некоторые примеры, впрочем, мы разбираем ниже.

Следующие тексты числом 65 являются не фрагментами-цитатами, а доксографией или далекими от оригинала парафразами или античными интерпретациями: 8 (слова Ипполита в угловых скобках), 87–90, 94–95, 113–115, 118–119, 121, 131, 157, 160, 169–174, 180, 184–186, 191–205, 212, 215–218, 220–229, 232, 235, 237, 240 (подражание Скифина), 242–243, 245–248. Заметим, все эти тексты со-

держатся во второй части издания (D – «Доксография»). Таким образом, в книге не только два дублирующих друг друга издания фрагментов, но и два дублирующих друг друга издания доксографии, только в разделе D те же тексты цитируются полнее.

Раздел F включает также 22 дополнительных фрагмента (отсутствующих в R)⁵. Из них только один (104A) является частью подлинного фрагмента, все остальное – странная смесь из Uechnes в собрании Дильса–Кранца, фрагментов Гераклита Понтийского, астрологический трактат (F 139), биографический анекдот из Диогена (F 140) и даже хорошо известный стих Эпихарма (F 136)!

Если вычесть из общего числа фрагментов в обоих разделах (22 + 248 = 270) тексты, сочиненные самим С. Муравьевым (47), доксографические свидетельства и парафразы, далекие от оригинала (65), а также псевдофрагменты из раздела F (22), то останется 135, то есть примерно столько, сколько в собрании Дильса–Кранца (139, из них подлинных 126) и других изданиях: 125 Marcovich, 125 Kahn, 136 Conche. Никакого чуда нет, и никаких новых – реальных – фрагментов или свидетельств, неизвестных науке, в издании С.М. нет (кроме фрагмента из папируса Дервени и оксиринхского фрагмента о луне). Все якобы новое, увы, либо сочинено самим С.М., либо ошибочно атрибутировано Гераклиту. Но и подлинные, общепризнанные, фрагменты Гераклита в издании С.М. подверглись, как и доксография, безжалостному редактированию, произвольному переписыванию и варварскому хирургическому вмешательству. Из примеров, приводимых ниже, можно ясно видеть, как С.М. систематически превращает текстуально нормальные и философски осмысленные тексты в грамматически неправильные и по содержанию абсурдные или банальные.

Перечислим вкратце фрагменты с ненужными или невозможными «исправлениями» автора (в двойной нумерации первый номер в «Реконструкции», второй – в собрании Дильса–Кранца)

Фр. 2 / В 23: Вместо общепринятого Δίκης ὄνομα οὐκ ἂν ᾔδεισαν κτλ. («Люди не знали бы имени Правды, если бы не было беззаконий») С.М. читает Δίκης ἄνομοι οὐκ ἂν ἔδῃσαν и переводит: «Беззаконникам Правда не стала б нужна, кабы было не так». Но перевод не соответствует греческому тексту. С.М. путает два разных глагола: δέω I «связывать» и δέω II «нуждаться». Аорист от δέω II будет ἔδεῃσαν, а не ἔδῃσαν – это аорист от δέω I «связывать». Но и ἔδεῃσαν не соответствует переводу, который требует формы ἔδεῃθησαν. Чтобы сохранить глагол, смысл которого С.М. не понимает, он исправляет рукописное Δίκης ὄνομα на Δίκης ἄνομοι. Тем самым он уничтожает ценнейшее свидетельство о гераклитовской философии имени, а также важный пример относительности человеческих ценностей, включая понятие Справедливости, и превращает текст в невнятную банальность. Мы воспринимаем это акт интеллектуального вандализма.

Фр. 4: недостоверное восстановление гераклитовской цитаты в папирусе из Дервени. Под мерами солнца Гераклит прежде всего имел солнцевороты (τροπαί, ὄρους, τέρματα), поэтому следует дополнять οὐ]ρους, а не εὐ]ρους.

Фр. 8 / В 50: Гераклиту ошибочно приписан христианский контекст Ипполита, в котором при этом предлагается невразумительное дополнение с неправильным синтаксисом.

Фр. 9 / В 41: форма ὅτετι не существует и не может существовать в греческом языке.

Фр. 11 / В 34: нелепая интерпункция после ἄξιονεο.

Фр. 12 / В 19: «Неверные!» в переводе можно понять как обращение к эфесцам, но по-гречески в независимом обращении необходима частица ὦ, т.е. в нашем случае ὦ ἄλλοιτο!⁶

Фр. 13 / В 72: вольное «ионизирование» парафразы Марка с произвольной заменой нормального ὦ... λόγῳ на невозможное ὅσω... λόγῳ.

Фр. 16 / В 73 + В 47: произвольное смешение двух разных фрагментов Гераклита в парафразах Марка: фрагмент В 73 о «спящих» парафразирует фрагмент В 1, фрагмент 74 – провербильное выражение о детях и родителях: «не следует (поступать и говорить) как дети своих родителей», т.е. следуя традиции. Это совершенно ясный и здоровый текст С.М. искажает до неузнаваемости вставкой слова ὑλακτεῖν и переводит «ни твякать как отцов своих дитяти». Почему дети должны «твякать»? Так не говорил и не думал ни один нормальный грек. Характерный пример абсурдизации текста Гераклита.

Фр. 21 / В 124: произвольная замена во фр. В 124 рукописного κεχυμένῳ на неожиданное κεκοιμένῳ с переводом «и словно сваленное в кучу мясо (= выкидыш) прекраснейший был бы из зачатых... (космос)». В греческом тексте Муравьева нет ничего соответствующего «сваленному в кучу», понятие «кучи» отчасти содержится в слове κεχυμένῳ, которое сам С.М. убирает из текста, а также (и прежде всего) – в исправлениях слова σάρξ, которые он не признает. Сочетание σάρξ εἰκῆι «мясо наугад(?)» вообще невозможно в греческом языке, наречие (постпозитивно и без предшест-

⁵ F 4B, F 104A, F 126, F 131, F 135A, F 138, F 139, F 140, F 141, F 142, F 143–150, F 151, F 154–155, F 156.

⁶ Dickey 1996, 24.

вующего артикля) не может быть определением существительного. С.М. не понимает, что наречие (ad-verbium) потому и называется наречием, что ставится при глаголе (verbum), а не при существительном. Ни по-русски, ни по-гречески нельзя сказать «дом тепло» вместо «теплый дом». Точно так же нельзя сказать «мясо наугад» (σάρξ εἰκῆ) вместо «бесформенное мясо». Это очень важный текст, содержащий первую в истории философии полемику телеолога против механистической физики. С.М. превращает его в кошмарную сцену из гинекологической клиники.

Фр. 24 / В 80: Невозможные чтения εὖ δὲ и ἐρεῖν вместо общепринятых εἰδέναι и ἔρην приводят к абсурдизации важнейшего фрагмента Гераклита о космической вражде; согласно С.М., тут описывается какой-то любовный роман между Полемосом (Войной) и Правдой!

Фр. 26 / В 53: Произвольная вставка частицы γάρ во фрагмент о Полемосе порождает тяжелое сочетание γάρ... μέν, неизвестное Деннистону.

Фр. 31 / В 20: ничем не обоснованное добавление наречия διῶν нарушает нормальный синтаксис фрагмента и искажает его смысл.

Фр. 35 / В 136: С.М., открывший никому не известный «силлаботонический» ритм гераклитовской прозы, не узнает общеизвестные греческие размеры. Иначе он не нарушил бы размер гексаметра, поставив θανοῦσαι в начале стиха.

Фр. 36 / В 63: конъектура ἐν θά<λω> «в могиле» невозможна. Диалектная форма θάλος засвидетельствована один единственный раз у Евстафия, причем не в значении «могила», а в значении «изумления» (θάμβος). Вообще, использование в конъектурах диалектных или редких слов из лексикографов с неизвестным происхождением – признак незрелой, дилетантской критики текста.

Фр. 39 / В 57: На планете Земля существует только один человек, который переводит греческое слово εὐφροσύνη, означающее «веселье», как «ночь». Этот человек – С.Н. Муравьев.

Фр. 41 / В 99: ионийское и гомеровское слово для ночи εὐφρόνη вышло из живого употребления к эллинистической эпохе, и потому было обречено на регулярную порчу в средневековых рукописях в похожее слово εὐφροσύνη, понятное и знакомое любому византийцу и даже современному греку. Поэтому когда рукописное εὐφροσύνη находится в контекстуальной близости к слову, означающему день, можно со стопроцентной уверенностью исправлять его на εὐφρόνη. Этот элементарный факт известен любому издателю греческих текстов. Но С.М. его игнорирует. Вот почему он сохраняет в таких случаях рукописное εὐφροσύνη, но переводит его как «ночь». В случае же фр. В 99 дело обстоит совсем невероятным образом. В данном случае рукописное предание Плутарха сохранило как раз подлинную форму εὐφρόνη (как в «Aqua ap ignis», так и в «De fortuna»). Но С.М. «исправляет» правильную (рукописную!) форму εὐφρόνη в неправильную εὐφροσύνη! Поступая таким образом, он совершает сразу три грубые ошибки: нарушает общепринятые законы критики текстов (игнорирует правило о lectio difficilior), занимается сознательной порчей предания и при этом дает неправильный перевод неправильного чтения! Кто читает εὐφροσύνη, тот обязан переводить «веселье», а не «ночь».

Фр. 44 / В 120: замена в Страбоновой цитате В 120 рукописного οὖρος (ионийская форма!) на κόρος произвольна и разрушает тонко продуманную Гераклитом агональную модель космоса. Данный фрагмент содержит самую ясную гераклитовскую иллюстрацию закона энантиодромии, или бега в противоположные стороны, метафоризирующего циклическое изменение и взаимопереход противоположностей. Понятие «предела, границы» (οὖρος), имеет фундаментальное значение в космологии Гераклита, здесь оно наглядно представлено как «поворотная мета» (τέρμα) при смене «дороги туда» (ὁδὸς ἄνω) на «дорогу обратно» (ὁδὸς κάτω) ⁷.

Фр. 46 / В 129: вздорная вставка <ό> между именем и патронимом Пифагора.

Фр. 47 / В 35: ничем не оправданная замена плюралис ἱστορίας на сингуларис.

Фр. 50 / В 104: невозможный текст и несоответствующий ему перевод: διδασκάλῳ χρεῖων τε ὀμίλῳ не может означать «словно наставник вещает другой» (?).

Фр. 53 / В 29: в редакции С.М. текст фрагмента ошибочно приписывает Гераклиту контекст, содержащий дословную цитату из Демосфена (De corona 296).

Фр. 55 / В 44: Бессмысленное исправление рукописного γινόμενον на γε νομίμῳ. Что такое «законный закон»? С.М. переводит «исконный закон», но у греческого слова нет такого значения.

Фр. 69 / В 86: ошибочное приписывание Гераклиту христианского контекста Климента, бессмысленный текст и невозможный перевод: διαφυγάνει значит «избегает, ускользает», а не «разогнаны» (?).

Фр. 74 / В 101: неправильный перевод: ἐμεαυτὸν означает «самого себя», а не «самостоятельно». Тривиализация важнейшего этического фрагмента Гераклита, уничтожающая связь его этики с дельфийским императивом «Познай самого себя».

Фр. 75 / cf. В 92: не самостоятельный фрагмент. Климент зависит от Плутарховой цитаты о Сивилле (В 92 DK, правильно Маркович test. 75 а 1). Невозможный текст и неправильный перевод:

⁷ Lebedev 1985.

μᾶλλον Σιβύλλης не может означать «лучше Сивиллы», а εἰς τὴν πεφασμένον (придуманное Муравьевым) не может означать «я все уяснил себе».

Фр. 83 / В 77а: произвольная вставка частицы δέ.

Фр. 98 / В 26: С.М. нещадно правит совершенно нормальные тексты, а один из самых испорченных оставляет как есть. Греческий текст фрагмента – абсурдный набор слов без синтаксиса. О регулярной порче εὐφροσύνη в εὐφροσύνη см. наши замечания к фр. 41 / В 99 выше. Та же ошибка в следующем фр. 99 / В 21.

Фр. 100 / В 89: вместо принимаемого всеми издателями исправленного чтения ἀλοστρέφεσθαι автор оставляет рукописное ἀναστρέφεσθαι, однако переводит «отворачивается», хотя это значение первого глагола, а не второго.

Фр. 101 / В 2: ненужное исправление рукописного διό в δι' ὃ (в любом случае это слова Секста, а не Гераклита) и ошибочное присывание Гераклиту экспликативной парентезы Секста (или его источника) ξυνὸς γὰρ ὁ κοινός значит «ибо (слово) ξυνὸς значит «общий»».

Фр. 105 / В 114: исправление второго (дидтографического) πῶς в πῶλύ необходимо и принимается всеми издателями. Чтение πῶς не только нарушает синтаксис фрагмента (для С.М., правда, это неважно, он любит неправильный синтаксис), но и уничтожает содержащуюся в нем аналогию («пропорцию Френкеля»), без которой понять фрагмент вообще невозможно. Как убедительно показал Мурелатос, τρέφονται тут – социальная, а не биологическая метафора⁸. Гераклит не имеет в виду, что человеческие законы буквально «питаются» божественным, а что божественный закон их Кормилец, от которого они зависят.

Фр. 107 / В 67: снова невозможное чтение εὐφροσύνη с несуществующим значением «ночь», см. наши замечания к фр. 41 / В 99 выше.

Фр. 111 / В 10: одно из самых паранормальных «исправлений» в издании С.М. Во-первых, следует предпочесть συλλήψεις как более редкое слово, во-вторых, и греческий текст и перевод С.М. («впрягла она во гнутое и в негнутое» и т.д.) представляют собой бессмысленный набор слов. Глагол συνάπτω означает «соединять, сочетать», а не «впрягать». Впрягают лошадь. Сочетание συνάπτω + εἰς + два аккузатива вообще невозможно.

Фр. 123 / В 58: надуманное исправление γούν (принадлежащего Ипполиту) в οὐκ οὖν, перевод «отнюдь не недовольны» прямо противоречит тексту: ἐλατίζονται – «жалуются».

Фр. 128 / В 58: неоправданное исправление Платинова φουήν в φορήν.

Фр. 129 / В 84: неоправданное и лишаящее фрагмент философского смысла чтение ἀρκεῖσθαι вместо ἄρχεσθαι. Как и в предшествующем фрагменте, порча предания на 100% исключена, так как, кроме Платина, фрагмент цитируют и другие неоплатоники в такой же форме.

Фр. 135 / В 125: С.М. не пощадил и фрагмент о кикее, полностью уничтожив его смысл. И греческий текст, и перевод абсурдны. Кикее, как и всякая смесь, разлагается, если его не взбалтывать. Чтение μὴ κινούμενος необходимо. Исправление κινούμενος в κικεόμενος неоправданно и такой глагольной формы не существует. Причастие от κικάω будет κικόμενος.

Фр. 151 / В 15: нелепое исправление μὴ в μῆν, нелепый перевод: ὅτεαί μαίνονται означает не «которого ради безумствуют», а «под воздействием которого», т.е. «одержимые которым беснуются».

Фр. 153 / В 11: произвольная и ненужная вставка в текст слова οὐ, которая должна быть заключена в угловые скобки.

Фр. 162 / В 31: неприемлемое исправление слова διαχέεται в αἶα χέεται. Нельзя исправлять аутентичный текст на основании доксографической парафразы. Кроме того, следовало бы сначала задуматься на том, возможно ли это поэтическое слово в прозе Гераклита: в других фрагментах он всегда говорит γῆ. С.М. не только игнорирует греческий синтаксис, не только приписывает греческим словам несвойственные им значения, но и сочиняет вообще несуществующие слова, которые столь же произвольно вставляет в гераклитовский текст. Здесь С.М. ad hoc придумал слово πυρόθεν, которое якобы означает «от огня»! Такое слово не значится в греческих словарях, нет его и в TLG. И даже теоретическая вероятность его существования равна нулю. Слово γῆθεν (ор. οὐρανόθεν) – неадекватная аналогия, так как «земля» не только вещество, но и место, и поэтому γῆθεν имеет коннотацию «снизу», как и οὐρανόθεν – «сверху». Но слова, обозначающие просто вещества, не имеют коннотации места или направления, и потому таких производных, как πυρόθεν, ὑδατόθεν, ἀερόθεν, χυρόθεν не существует.

Фр. 167 / В 64 + В 65: неудачная попытка объединить фрагменты В 64–65 в связный текст недопустимым способом. С.М. исправляет αὐτό (= τὸ πῦρ) в αὐτός (= Κερανός) и получает текст καλεῖ δὲ αὐτὸς χρησιμωσύνην καὶ κόρον с таким переводом: «А кормчий всего этого – <Зевесов> перун, и он-то вызывает недостаток и избытие <огня>». На самом деле καλεῖ принадлежит цитирующему фр. В 65 Ипполиту и означает «он (Гераклит) называет его (огонь) нуждой и избытком». С.М. же

⁸ Mourelatos 1965.

превращает *καλέει* в часть цитаты и переводит как «вызывает». Тут мы имеем любопытный образец неосознанного русизма, подмену семантики греческого глагола семантикой (лишь частично совпадающей) его русского аналога. Дело в том, что в русском языке глагол «вызывать» может означать 1) звать и 2) быть причиной чего-то. Однако греческое *καλέει* имеет только значение (1), но никогда не имеет значения (2). С.М. совершает грубейшую непрофессиональную ошибку, приписывая греческому *καλέει* несуществующее значение «вызывать, быть причиной»⁹.

В завершение упомянем также экстравагантную эмendaцию С.М. в биографическом свидетельстве М 23 (с. 23). Аристотель в *De part. anim.* 645a17 рассказывает анекдот про Гераклита и чужеземцев, которые пришли его навестить, но застыли, стеснясь, так как увидели, что Гераклит «греется у печки», и тогда Гераклит пригласил их: «входите, ибо и тут есть боги». На наш взгляд, текст Аристотеля находится в полном порядке. Но С.М., следуя неудачной гипотезе Робертсона (*ἰπνός* = *κοπρών*), исправляет рукописное чтение *θερόμενον πρὸς τῷ ἰπνῷ* – «греющегося у печки» на придуманное им *θερόμενον κτλ.* с переводом «восседает в нужнике»¹⁰. Такое чтение и толкование являются невозможными по следующим причинам:

1. Редчайший глагол *θεράσσει* «сидеть», известный по единственному месту (Philaitas, fr.14.1 Powell), неизвестен Аристотелю. Методологически неправильно исправлять обычное у автора слово на неизвестное ему, к тому же поэтический нарах. Аристотель употребил бы в таком случае обычное *καθήμενον*, *καθεζόμενον* vel *sim.*

2. Обычное значение *ἰπνός* – «печка», «кухня» или «фонарь». Значение «выгребная яма» очень редкое, встречается только у Аристофана (LSJ, s.v. IV). Многие обычные слова с нейтральным значением имеют в Древней комедии обценные значения или содержат неприличные намеки. Было бы неосмотрительно переносить такую комическую лексику в серьезную философскую прозу Аристотеля.

3. Аристотель был хорошо воспитанный джентльмен (*χαρίεις*) и не стал бы рассказывать своим слушателям/читателям такой скабрезный анекдот. В контексте Аристотеля анекдот о Гераклите является притчей и одновременно призывом, очевидно, к юным натуралистам: без смущения изучать даже низшие виды живых существ, так как во всех творениях природы есть что-то «божественное». А в «исправленной» версии Муравьева Аристотель поучает натуралистов следовать примеру Гераклита, который, сидя в туалете, пригласил засмущавшихся гостей «входить, ибо и тут есть боги!» Несоответствие контексту Аристотеля и абсурдность такого чтения очевидны.

4. Пантеизм Гераклита не доходил до копрофилии. В лексиконе Гераклита слова с фекальной семантикой употребляются только для выражения эмоционального омерзения (B 96 DK, cf. B 13 = 36 Marc.), для осуждения гедонистического свинства (B 13), а сам же Аристотель в другом месте (fr. 100 Rose) с одобрением приводит поучение Гераклита: приличный человека (*χαρίεις*) не должен «радоваться грязи» (*βορβορῷ χαίρειν*).

5. Самое главное – исправление тривиализирует притчу и лишает ее философского смысла: связь гераклитовского пантеизма с «огнем», который присутствует в образе «печки», но не в образе выгребной ямы. Если исключить возможность того, что Гераклит страдал тяжелой формой параноидального бреда (а мы лично ее исключаем), то он вряд ли мог учить в своей философии природы, что *κόπρος* есть *ἀρχὴ τῶν πάντων* и что такой «субстрат» пронизывает все вещи во Вселенной.

Оставшиеся фрагменты, т.е. не сочиненные С.М. и не искаженные его конъектурами, нередко пострадали от неправильных интерпретаций (иногда в силу неправильного понимания грамматики) и/или от нелепого перевода.

Фр. 5 / В 87: *ἐπτοῖσθαι* тут значит не «трепещет», а «воодушевляется» (о доверчивых).

Фр. 9 / В 41: в корне неверный перевод. Гераклит, разумеется, не был сумасшедшим и не думал о том, что он силой своей мысли может управлять Вселенной. *Γνώμη* здесь имеет обычное в ионийском диалекте значение «разум», а *ἐπίστασθαι* имеет такое же значение, как в В 57 – «признавать, считать». Гераклит говорит, что мудрым существом можно считать только мировой Разум.

Во фрагменте 19 / В 56 *ἀπολείπομεν* и *φέρομεν* выражает парадоксальную антитезу «теряем» / «приобретаем» (LSJ, s.v. *φέρω* A VI 2 «carry as a booty»), а не «бросаем» / «носим», как часто переводят.

Фр. 25 / В 8: *ἀντιζῶν* не значит «противодействие». Надо «враждебное, противное».

Фр. 28 / В 105: ошибочно присанный Гераклиту фрагмент. Гераклит не мог говорить об астрологии.

⁹ В новогреческом *προκαλώ* может иметь значение «вызывать, быть причиной». Судя по всему, и новогреческое *προκαλώ*, и русское «вызывать» – семантические кальки фр. *provoquer*, из лат. *provoco*, которое может иметь такое значение, в отличие от древнегреческого *καλέει*.

¹⁰ Robertson 1938. Интерпретация Робертсона была убедительно опровергнута уже Луи Робером: Robert 1965.

Фр. 44 / В 120: *τέρματα* никогда не означает «границы (между х и у)». Надо «меты», т.е. «поворотные столбы» (как на стадионе).

Фр. 48 / В 81: *κοτίδων ἀρχηγός* – «родоначальник словесных ножей для заклятия» – нелепый перевод, надо «изобретатель обманов» или «предводитель обманщиков» (о Пифагоре).

Фр. 51 / В 39: *λόγος* тут не «рекомое» (?), а «почет, уважение».

Фр. 53 / В 23: «вечнотечная слава» – нелепый перевод и несуществующее русское слово. В слове «скоротечный» идея «течения» как раз метафора невечного, проходящего.

Фр. 65 / В 78: «собы» – нелепый перевод греч. *ῆθος*, а *γνώμας* значит «разум, мудрость», а не «знания» (такого значения не существует вообще).

Фр. 68 / В 92: *ἐξικνεῖται* значит «достигает», а не «пробивает» (?).

Фр. 73 / В 22: «грунта» – стилистическая безвкусица.

Фр. 74 / В 101: *ἐμεωυτόν* значит не «самостоятельно», а «самого себя». Такой перевод уничтожает одно из самых глубокомысленных изречений Гераклита и лишает его связи с дельфийским императивом.

Фр. 105 / В 114: как правильно показал Мурелатос, *τρέφονται* тут социальная метафора, а не биологическая. «Питание» законов – нелепость. Имеется в виду, что божественный закон – «кормилец» человеческих, то есть они от него «зависят» и «подчинены» ему.

Фр. 106 / В 32: перевод неудобочитаем. Нельзя вставлять в перевод варианты, для этого есть комментарий.

Фр. 107 / В 67: *ῥδόνῃν* тут значит «запах», а не «прелесть» (?).

Фр. 151 / В 15: Нелепые исправления приводят к нелепому переводу.

Фр. 155 / В 90: неверный перевод *ἀνταρῖβεται* как «обращается» убивает важную экономическую метафору обмена, связанную с законом сохранения. *Χρήματα* как «червонцы» мы не комментируем. Но удивительно, что помимо стилистической безвкусицы это и по содержанию неверно: у Гераклита в сравнении роль «денег» («червонцев») выполняет как раз «золото», а *χρήματα* – это «вещи, имущество».

Фр. 159–163 / В 31: перевод всех фрагментов о четырех стихиях представляет собой нагромождение нелепостей. Одна из главных причин – неверное понимание термина *πρηστήρ* как «сполах». Это гераклитовское слово для «воздуха», оно не имеет никакого отношения к метеорологическому феномену, описанному у Аристотеля и в доксографии.

Фр. 182 / В 59 – напрасная попытка спасти рукописное *γραφέων* вслед за Керком. То, что Гераклит говорит тут о сукновалах (*γυαφέων*), а не о письме, гарантируется пояснением Ипполита.

Фр. 209 / В 45 DK С.М. переводит: «И пределов души ты в пути не отыщешь, пускай ты по всякой дороге прошел, столь глубоко ее речение». Однако презенс *ἐπιτορεύμενος* нельзя переводить совершенным видом «прошел»: это не только грамматически неверно, но и перечеркивает основную мысль фрагмента о том, что пределов души достичь невозможно («прошел» подразумевает, что путь пройден и пределы достигнуты). Неверен и перевод «глубокое речение», *λόγος* тут, как и во фр. В 31, означает «меру, объем», а *βαθύς* здесь значит «огромный, необъятный».

Фр. 210 / В 115: пифагорейский или платонический фрагмент о числовой природе «самоумножающейся» души, не имеет отношения к Гераклиту и не приписывается ему в источниках.

Фр. 211 / В 12: великий фрагмент о входящих в реку искажен до неузнаваемости. Необоснованная вставка в текст и невозможный перевод слова *ἀναθυμῖόνται* как «пишу себя добывают» (?).

Фр. 237: *ἐναντιοτροπῇ* – позднее доксографическое слово, восходит к *παλίντροπος*, и потому не должно находиться среди фрагментов-цитат.

Фр. 241 / В 52: *αἰών* – «вековечье»? Еще одна переводческая нелепость.

«Комментарий и примечания» (с. 215–255) не соответствуют своему названию. Никакого комментария мы не обнаружили, это краткие примечания, причем поверхностные и популярные. В самом деле, на какого читателя рассчитаны такие примечания, как «Гомер – величайший греч. эпический поэт, автор “Илиады” и “Одиссеи”...» (прим. 19), «Пифагор... – мыслитель, религиозный и политический деятель...» (прим. 46), «Дионис – бог плодородия земли...» (прим. 151) и т.д., и т.п.

В тех немногих случаях, когда делается попытка истолковать важные гераклитовские понятия (Логос – прим. 8) или Эон (прим. 76), говорится что-то невнятное. Оба перевода центрального гераклитовского термина «логос» – как «глагол» или как «речение» – одинаково неадекватны. С.М. злоупотребляет церковнославянскими и архаическими словами. Как «исправления» С.М. обычно затемняют текст, так и его «толкования» боятся ясности и определенности.

В приложении «Гераклит в русских переводах» (с. 257) С.М. дезинформирует читателя, когда пишет, что «Лебедев переводил в основном по изданию Марковича», а «Муравьев пользовался им

самим подготовленным текстом»¹¹. Не надо путать собрание фрагментов и редакцию текста. Я перевел собрание фрагментов Марковича, но определение степени аутентичности фрагментов и сам греческий текст фрагментов нередко отличались от текста Марковича там, где я исправлял текст сам или принимал другие чтения. Поэтому критические замечания С.М. по поводу несоответствия некоторых моих переводов (цитируемых на с. 259) тексту Марковича совершенно безосновательны: мой перевод во всех случаях точно соответствует моему тексту. Например, чтение *σάρξ κεχυμένη* – «слиток, отлитый» основано на металлургическом узусе слова *σάρξ* у Гесиchia: *λύδαρεοχύται· οἱ ἐν ταῖς λύδαῖς τὰς σάρκας χέοντες* – «тиглевплавители: те, кто в тиглях выплавляет слитки». Сам же С.М., пытаясь на с. 360 «реконструировать» греческий текст моей редакции фрагмента В 26, в очередной раз продемонстрировал свою текстологическую неловкость, так как мой греческий текст имеет мало общего с тем, что он мне приписывает.

Несколько слов об исследовательском метаязыке С. Муравьева. Тут, как и в языке переводов, немало странностей. Слова «космофторез» (D 29) нет ни в греческом, ни в русском языке, у русскоязычного читателя оно вызывает ложные ассоциации с фтором, а не с уничтожением (φθора).

«Астрометеорология» (с. 105) – рубрика С.М. для группы фрагментов астрономического и метеорологического содержания. Но термин «астрометеорология» не следует употреблять в таком значении, так как это технический термин для предсказания погоды по светилам; он не имеет отношения ни к астрологии, ни к астрономии в обычном смысле.

Что такое «псевдоэпиграфический пересказ» на с. 147? Видимо, усеченная форма для «псевдоэпистографический». Но и фиктивную переписку не принято называть «псевдоэпистографией».

В начале раздела «Реконструкция» (с. 184) имеется подзаголовок *ἀναστάσεως πείρα* – попытка передать по-гречески слова «опыт реконструкции». Но слово *ἀνάστασις* не имеет такого значения. Зато оно нередко имеет значение «переворачивание верх дном, разгром». С таким значением слова «попытка» С.М. действительно удалась. Правильным греческим словом было бы *ἀλοκατάστασις*.

Даже название собственной книги автор не смог грамотно передать по-гречески. На контртитule напечатано *ἐκδοσις μικρότερα*. Та же ошибка – на суперобложке, так что это не опечатка. От доктора Сорбонны можно было бы ожидать уметь отличить средний род от женского. Все-таки *ἐκδοσις* – существительное женского рода и потому требует в качестве определения прилагательное не в среднем роде мн.ч., а в женском роде единственного, т.е. *μικρότερα*.

В аппарате к фрагментам удивительно постоянно читать «предтечи» (например к D 47, 48, 68 и др.) – так, очевидно, именуются источники фрагмента. Такая и подобная ей доморощенная терминология отдает дилетантизмом.

Несколько слов о «поэтике» гераклитовской прозы по С. Муравьеву. В издании текста и перевода фрагментов-цитат С.М. (а точнее – текстов, которые С.М. считает дословными цитатами, нередко ошибочно), причем как в разделе F, так и в «Реконструкции», наблюдается одна причудливая странность. Текст фрагментов разбит на «стихи» различной длины и оформлен как «фигурные стихи» русских авангардистов. Похожее деление текста Гераклитовских фрагментов впервые применил в своем издании серьезный ученый Мирослав Маркович¹², который, однако, в предисловии предупредил, что это деление чисто смысловое, не метрическое, и потому не имеющее отношения к исследованию прозаического ритма. У Марковича, правда, «стихи» расположены «лесенкой», как у Маяковского, а не как «фигурные стихи». «Деление» Муравьева иногда совпадает с «делением» Марковича, но следуя своей общей тенденции измельчать и крошить тексты, С.М. часто нарезает мельче: например, у него «стихом» может выступать союз *ὅκωσπερ* (фр. 15 реконструкции). Насколько нам известно, чудачество Марковича не нашло подражателей в ученом мире, все по-прежнему издают и цитируют Гераклита так, как цитируют прозу, без лесенок и домиков. Только С.М. не только откликнулся на инновацию Марковича, но и превратил в метрическую теорию, подведя под эту свою гипотезу о якобы «силлабо-тоническом» характере гераклитовской прозы. Затем эта гипотеза была углублена «обнаружением» анаграмм и криптограмм на уровне отдельных букв в тексте Гераклита. Например, во фрагменте В 123 (= фр. 70 «Реконструкции») С.М. находит анаграмму *ΦΥΣΙΣ κΡΥπτεσθαι Φιλεῖ*, а во фрагменте про золотокопателей (В 22 = фр. 73), по его мнению, «зашифровано» слово *ΧΡΥΣΟΝ*. Правда, в рукописном тексте нет никакого *χι*, но С.М. проявил изобретательность и вставил туда *χι* собственного сочинения: *καὶ εὐρίσκοσι превратилось в χ' εὐρίσκοσι*.

Мы не собираемся углубляться в опровержение того, что со всей очевидностью должно быть отнесено к области лженауки и альтернативной филологии (или парафилологии). Заметим только, что С.М., сам того не ведая, уже опроверг себя сам, включив в корпус фрагментов-цитат неаутентичные

¹¹ Имеется в виду глава «Гераклит» в подготовленном нами издании «Фрагменты ранних греческих философов» (М.: Наука, 1989).

¹² Marcovich 1967, XII.

по форме поздние парафразы, которые тоже напечатаны им в виде фигурных стихов!¹³ Таким образом, по критериям С. Муравьева проза Платона, Аристотеля, стоиков и неоплатоников тоже должна считаться силлабо-тоническими стихами, и ее следует печатать в форме фигурных стихов. Очевидно забывшись, он в разделе *Fragmenta* напечатал в форме фигурных стихов не только текст фрагментов, но и ссылки на источники в аппарате к ним!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги нашего анализа. Если вычсть теперь из числа подлинных фрагментов (135 – см. об этом числе выше с. 179) тексты безнадежно испорченные «эмендациями» С.М. (40), а также те, смысл которых серьезно искажен при переводе (23), останутся только 73 фрагмента, которые «проходят» как подлинные и с более или менее приемлемым греческим текстом и переводом. Это только 27% от общего числа фрагментов в двух разделах: *F* и *Refectio* (за исключением повторяющихся в них). Мы говорим «более или менее» потому, что мы не принимали в расчет бесчисленные случаи «мелкого редактирования» греческого текста (добавление и устранение артикля, красис, элизия и проч.), которые серьезно не отражаются на общем смысле фрагментов, но все-таки также компрометируют их аутентичность, так как почти всегда являются ненужными или невозможными. Это означает, что почти три четверти фрагментов в издании С.М. серьезно вводят читателя в заблуждение в одном из рассмотренных выше аспектов (атрибуция, критика текста, перевод), а нередко сразу в двух или трех, т.е. текст, ошибочно приписанный Гераклиту, подвергается невозможным или безграмотным «исправлениям», а затем неправильно переводится с плохого греческого на странный русский язык. На основании этого мы заключаем, что рецензируемое издание является непрофессиональным; его автор не только не обладает профессиональным знанием греческого и филологической критики текста, но и нередко демонстрирует незнание элементарной грамматики, выдумывает несуществующие грамматические формы (*οἰήθησεν*), несуществующие слова (*πυρόθεν*), пишет *πάντα ρέουσι* вместо *πάντα ρεῖ* и т.д., и т.п. В герменевтическом плане наблюдается устойчивая тенденция к тривиализации и/или абсурдизации, философский смысл исчезает и заменяется сюрреалистическими нелепостями вроде «Гераклит в туалете», «лающие дети» и «мясо наугад». А само собрание фрагментов демонстрирует полное отсутствие у издателя способности критического суждения: он принимает за гераклитовский фрагмент и астрологический трактат (*F* 139), и скептическую эпистемологию (*Ref.* 90), и христологический текст Ипполита (*F* 50), и даже известный стих Эпихарма (*F* 156).

Поэтому С.Н. Муравьев не имеет никакого права выступать как *maître* от имени классической филологии и поучать профессиональных классиков и антиковедов на темы методологии, как он это делает в приложении «Семь смертных грехов филологии» на с. 261–265. Самым страшным смертным грехом филологии является *некомпетентность*. И точно так же он не имеет права поучать профессиональных философов, как он это делает в оскорбительных выражениях на с. 264. По существу, С.Н. Муравьев запрещает философам интерпретировать Гераклита философски; вместо этого они должны, по его мнению, изучать его эзотерические работы о «скрытых узорах» в тексте Гераклита. С.Н. Муравьев очень любит рассуждать о методологии. По поводу его методологии можно сказать *more Aristotelico*: методология С.Н. Муравьева либо является основой его работ, либо нет, третьего не дано. Если она является основой его работ, ее следует отвергнуть, так как она в 100% случаев приводит к ложным результатам. Если же она не является их основой, то ее следует отвергнуть как нерелевантную. Следовательно, в любом случае ее надо отвергнуть.

Рецензируемое издание не только бесполезно для специалистов (им нельзя пользоваться, так как издатель систематически фальсифицирует источники), но и представляет опасность для учащихся и неспециалистов, которые рискуют принять за подлинного Гераклита выдумки С. Муравьева. Русское издание особенно опасно в этом плане, так как в нем нет критического аппарата, и читатель (не имеющий под рукой критического издания) лишен возможности отличить рукописные чтения от «эмендаций», вставок и даже целых композиций С. Муравьева. В отличие от большинства других непрофессиональных и «альтернативных» авторов, пишущих на темы античной философии, С. Муравьев усвоил внешние атрибуты «научности» и «учености» (в усердии при собирании разных материалов и составлении баз данных ему нельзя отказать), благодаря чему ему удалось ввести в заблуждение некоторые издательства и некоторых историков философии, не являющихся специалистами в источниковедении и текстологии. Настоящая рецензия посвящена сокращенному однотомному изданию (*editio minor*) большого издания в 11 томах. Тем не менее малое издание основано на боль-

¹³ Например, В 7 (парафраза Аристотеля, далекая от оригинала в В 67), В 72 (парафраза Марка Аврелия), В 82 (платоновская проза), В 102 (парафраза Порфирия) и т.д. Получается, по С.М., что все эти философы тоже писали силлаботонические стихи, как Пушкин.

шом, поэтому, за исключением замечаний о русском переводе, наша критика в общем и целом применима к томам, соответствующим разделам однотомного издания: «Memoria» (vol. III. 1), «Placita» (vol. III. 2), «Fragmenta» (vol. III. 3 B/i) и «Refectio» (vol. IV A).

По нашему мнению, С. Муравьев в данном случае больше, чем *издатель* Гераклита. Скорее он его *соавтор*, так как немало текстов сочинил он сам, а редактирование источников нередко переходит в их переписывание. И хотя сочинение С. Муравьева не является намеренным розыгрышем, подобно статье Алана Сокала о квантовой герменевтике или «Корчевателю»¹⁴, тем не менее что-то общее во всех этих случаях есть: псевдонаучный и абсурдный текст благодаря имитации им чисто внешних, поверхностных признаков «научности» некоторые приняли за чистую монету. Мы не можем рекомендовать книгу Муравьева исследователям, студентам или просто читающей публике. Ее настоящее место в корзине для бумаг.

Литература

1. *Муравьев С.Н.* 1970: Каким было начало книги Гераклита Эфесского? (опыт реконструкции) // ВДИ. 3, 135–158.
2. *Dickey E.* 1996: Greek forms of address. Oxf.
3. *Lebedev A.V.* 1985: The Cosmos as a Stadium. Agonistic metaphors in Heraclitus' Cosmology // *Phronesis*. 30 (2), 131–150.
4. *Marcovich M.* 1967: Heraclitus. Merida.
5. *Mouraviev S.N.* 1996: Poétique et philosophie chez Héraclite. Introduction à la Problématique. Thèse de doctorat préparée sous la direction du Prof. Gilbert Romeyer-Dherbey. P.
6. *Mouraviev S.N.* 1999–2012: Heraclitea. Sankt-Augustin.
7. *Mouraviev S.N.* 2013: Editing Heraclitus (1999–2012): Ten volumes plus one // *Epoché*. 17. Issue 2 (Spring), 195–218.
8. *Mourelatos A.P.D.* 1965: Heraclitus, fr. 114 / *AJPh*. 86. 3 (July), 258–266.
9. *Robert L.* 1965: Héraclite à son fourneau // *École pratique des hautes études*. 4e section, Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1965–1966, 61–73.
10. *Robertson D.S.* 1938: [без названия] // *Proceedings of Cambridge Philological Society*. Fasc. 169–171, 10.

А.В. Лебедев,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН

¹⁴ Мы верим, что С.М. сочинял под влиянием самообмана, т.е. он обманывал и себя, и других. Но все-таки он сочинил фальсифицированные тексты, которые так же опасны для неспециалистов, как были бы опасны сочиненные преднамеренно с коммерческой целью. Неважно, действует ли шарлатан, продающий доверчивым людям вредные для здоровья снадобья, с целью преднамеренного обмана или в результате невежества и самообмана. В обоих случаях он причиняет людям вред. И в обоих случаях его нужно остановить. Хотя мы и не являемся сторонниками теории «эгоистического гена», новая книга Триверса в чем-то поучительна: *Trivers R.* Deceit and Self-Deception: Fooling Yourself the Better to Fool Others. L., 2011.